

в колхозах «Кызыл Маяк» Карасевского сельсовета, им. Сталина К.-Абдрашевского сельсовета, «Красная Заря» Мансуровского сельсовета, «Кызыл Ай» Мурзабаевского сельсовета. В декабре 1946 г. в райбольнице находились на излечении 20 человек. Число больных в декабре ежедневно увеличивалось. Так, 6 декабря поступило четверо детей в возрасте от 4 до 8 лет, 10 декабря — 10 детей. Энергичных мер по борьбе с заболеваниями в районе не принималось. После трехдневного пребывания в больнице при опадении опухоли больных выписывали. По линии района 15 детей, остро нуждающихся в продовольствии, приняли в детдом (4, л. 36; 6).

Засуха и государственная продразверстка 1946 г. привели к нехватке семян в колхозах для весеннего сева 1947 г. Так, обеспеченность семенами колхозов Курганской области составила на 20 января по зернобобовым 51,5%; 20,6% и по техническим культурам — 4,6%. Большинство семян в колхозах Курганской области было повышенной влажности и низкой всхожести. Не менее 200 тыс. т подлежало обмену (всего 424,4 тыс. ц). В совхозах обеспеченность семенами составила 53% (4, л. 36). Всего в Курганской области имелось 52,3% собственных семян от потребности (7).

Большой урон засуха нанесла и животноводству. Так, в 1946 г. в Курганской области пало в колхозах лошадей 5668 голов, крупного рогатого скота — 17 137, овец — 39 181, свиней — 10 690. Всего 72 676 голов (4, л. 38).

За время с 1 сентября по 30 сентября 1946 г. военная цензура г. Кургана зарегистрировала 142 письма с отрицательными сообщениями из районов. 2 сентября А. В. Колесов из деревни Маслово Лопатинского района Курганской области пишет письмо: «...Живем неважно, потому что не дают хлеба, хотя и хлеб убираем и по хлебу ходим, а аванс не дают, хлеба горят в ворохах и его в государство не принимают, поэтому и аванс не дают. Погода стоит дождливая, хлеба гниют десятками тонн в ворохах и надеяться на получение хлеба нечего, придется жить только на картошке...». В. А. Гаев из Пегановского сельсовета этого же района 19 сентября пишет: «...Намолоченный хлеб в колхозах весь горит, так что угрожает голод...». Из деревни Логовушка Мишкинского района Лешева Клавдия пишет письмо брату в армию: «Население в деревне ходит рваное. В колхозе хлеба не дают. Так жутко смотреть на голодных и рваных колхозников. Наш колхоз скоро развалится... Колхозники убегают на производство, в колхозе народу совсем мало» (6, л. 31, 32, 39, 51).

Таким образом, несмотря на все экстренные меры и усилия местных партийных и советских руководителей, помощь населения городов, районных центров, учащихся, студентов и военных, самоотверженный труд самих сельских жителей во время уборки урожая, убрать хлеб полностью с минимальными потерями при неблагоприятных погодных условиях не удалось. Последствия страшной засухи 1946 г., усиленные продразверсткой, привели к появлению очагов голода на Урале, особенно в южных областях, всплеску заболеваний септической ангиной — болезнью голодных людей, а также к увеличению среди населения дистрофии, истощения и болезней желудочно-кишечного тракта. Последствия засухи продолжали сказываться и в последующие годы. Засуха и голод 1946–1947 гг. замедлили процесс преодоления последствий войны в сельском хозяйстве области, способствовали оттоку сельского населения из деревни.

Примечания

1. Вербицкая О. М. *Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву*. М., 1992.
2. Волков И. М. *Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы*. М., 1972.

3. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 3. Д. 75. Л. 167; Оп. 4. Д. 49. Л. 30—31.
4. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 49.
5. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 223. Л. 57.
6. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 60. Л. 79, 80.
7. ГАКО. Ф. 895. Оп. 7. Д. 965. Л. 13.
8. Зима В. Ф. *Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия*. М., 1996.
9. Попов В. П. *Экономическая политика Советского государства. 1946—1953 гг.* Тамбов, 2000.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 168. Л. 158, 164.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 170. Л. 144, 150.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 177. Л. 18, 19, 174, 175
13. - РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 166. Л. 176.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 224. Л. 104; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 49. Л. 22.
15. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 10. Д. 129. Л. 33, 34, 40 об.; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 10. Д. 297. Л. 100.
16. Хисамутдинова Р. Р. *Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 гг.)*. Оренбург, 2003.

В.Н. Солдатов

Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗОВ СРЕДНЕГО УРАЛА В 1945 – 1953 ГГ.: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Развитие высшего образования и науки в вузах является одним из решающих факторов восстановления научно-инновационного потенциала России, а также перехода на качественно новый уровень отношений науки и общества. Поэтому в настоящий момент крайне важно осмыслить и проанализировать исторический опыт прошлого, рассмотреть состояние научной сферы страны в период тяжелых послевоенных испытаний.

Окончание Великой Отечественной войны ознаменовало перестройку научно-исследовательской работы. Главное внимание ученые направили на разрешение проблем, связанных с дальнейшим развитием народного хозяйства и культуры. Основной тенденцией, характеризующей состояние вузовской науки в этот период, следует назвать курс на более широкое использование достижений науки и увеличение сотрудничества вузов и производства. Доминирующей формой реализации являлась совместная работа научных работников с производственным коллективом по налаживанию и освоению новой техники. К примеру, ученые Уральского политехнического института совместно с предприятиями Свердловска и области за 1951 – 1952 гг. внедрили более 130 научных работ (1, 69). В Уральском государственном университете во второй половине 1940-х гг. научно-исследовательская работа наиболее организованно проводилась на физико-математическом факультете, где велась работа над рядом актуальных тем, но в целом научная работа университета была признана неудовлетворительной – среди причин назывались слабая материально-техническая база, отсутствие нужной литературы, проблемы с выпуском иностранной периодики (17, 57-59).

Помимо материальных трудностей, во многом связанных с разрушительными последствиями недавно закончившейся войны, наука испытывала и административные препятствия. В начале 1950-х гг. договоры по содружеству УПИ с предприятиями часто означали оказание технической помощи, ограниченной административными отношениями, многие научные разработки не внедрялись в производство, при этом научные труды, оторванные от нужд промышлен-

ности, оценивались как не представляющие научной ценности (14, 69). Это, конечно, не означает, что уральская наука в этот период не развивалась. Профессор УПИ Н. С. Сиунов и доцент Г. П. Михайлов разработали и внедрили на многих предприятиях высокопроизводительный и эффективный метод сварки трехфазной дугой (9, 3). Большое значение для экономики страны имели работы профессора УрГУ Г. И. Чуфарова в области химии и термодинамики металлургических процессов (6, 171).

Послевоенный период характеризуется развитием фундаментальной науки, выражавшимся в формировании научных направлений и школ. Ведущую роль уральской металлургической науки закрепили работы С. С. Штейнберга, И. А. Соколова и их учеников, большой известностью пользовалась научная школа, возглавляемая заведующим кафедрой органической химии УПИ профессором И. Я. Постовским (2, 82). Высокий научный статус этого института доказывало и то, что в нем при кафедре высшей математики была оборудована единственная в Свердловске лаборатория счетно-вычислительных машин (10, 4).

Сотрудники Уральского университета также внесли большой вклад в научный прогресс региона. Основателем уральской школы биологов и физиологии растений был Г. В. Заблуда; С. С. Шварц, руководивший во второй половине 1940-х гг. лабораторией УрГУ, впоследствии создаст здесь крупнейшую в стране школу экологов (6, 197). Родоначальником одной из ведущих в стране школы магнитологов был Р.И. Янус, удостоенный в 1951 году Государственной премии за разработку нового метода испытания металлов (6, 134). Центральное место в научно-исследовательской работе университета занимают темы по изучению Урала в различных областях науки. На выборах в Академию наук СССР в 1953 г. среди 148 новоутвержденных членов-корреспондентов трое принадлежало к уральской науке: Г. И. Чуфаров, С. В. Вонсовский, Л. А. Иванов (12, 2).

Сильные импульсы развития получала наука в закрытых городах региона. Стоит отметить, что у истоков создания вечернего отделения МИФИ в Свердловске-45 стояли член-корреспондент АН СССР Л. А. Арцимович и кандидат технических наук Б. А. Разумов, ставший первым директором института (3, 280). Среди основателей института в Челябинске-40 были академики И. В. Курчатов и А. А. Бочвар (5, 396).

Необходимо сказать также о достижениях вузовской науки в гуманитарной сфере. В 1951 г. были выпущены «Очерки истории большевистских организаций на Урале» (среди авторов – Ф. П. Быстрых, Г. П. Рычкова, В. М. Шмелева) – первый опыт систематического изложения истории уральских большевистских организаций, написанный на основе литературных, архивных источников, а также воспоминаний большевиков. В основу этого обобщающего труда был положен «Краткий курс ВКП(б)», поэтому «Очеркам» был свойственен субъективизм в оценке роли отдельных исторических деятелей (4, 115).

Наряду с историко-партийным направлением развивалось изучение местной истории. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. были проведены научные конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска, была опубликована монография М. А. Горлового «Горный город Екатеринбург» (7, 113). Свердловский пединститут основное внимание уделял исследованию уральской тематики, проводил «Уральские чтения», в которых участвовали научные работники вузов Свердловска (1948 г.), ученые Перми (1950 г.), Челябинска и Тюмени (1951 г.) (4, 112). Актуальные проблемы теории и практики развития народного хозяйства разрабатывал заведующий кафедрой политэкономии университета, создатель уральской экономической школы, В. М. Готлобер (6, 337).

Высокий уровень развития науки на Среднем Урале

в 1945-53 гг. подтверждается проведением в Свердловске всесоюзных научных конференций по физике магнитных явлений, комплексному использованию руд цветных металлов, конференций работников биологических и сельскохозяйственных наук, работников цветной металлургии (1, 69). Большое значение имело межобластное совещание заведующих кафедрами общественных наук вузов Урала и Сибири, проведенное в 1947 году (8, 2).

Большое значение для развития вузовской науки имела научная работа студентов уральских вузов. Студенческое общество Уральского университета в 1947 г. сделало 105 докладов, на научных чтениях в этом же году 10 докладов получили премии (16, 39). Через три года СНО объединяло 10 отделений, 46 научно-исследовательских кружков, провело в 1949-50 гг. 2 научно-теоретические конференции, в которых приняло участие более 900 человек (15, 74). За 1950 г. СНО УПИ выполнило 293 работы в области промышленности, из них 72 были внедрены; при этом партийный комитет института принял решение об обязательном выполнении и внедрении каждым студентом минимум одной работы (13, 169). В основном студенты обобщали производственный опыт стахановцев. Отрицательными чертами научно-исследовательских работ студенчества, как, впрочем, и всей вузовской науки, можно назвать формальный подход руководителей, наличие штурмовщины, погоню за количеством, слабость материальной базы, плохую организацию работы, редкую публикацию трудов. Но все же уровень студенческой научной деятельности был достаточно высок. На смотры научных работ 1952 г. студенты свердловских вузов представили 541 работу, из которых 153 были отправлены в Министерство высшего образования СССР (11, 3).

Научная деятельность учебных заведений Среднего Урала в 1945 – 1953 гг. проходила в сложных послевоенных условиях. Этот фактор в совокупности с бюрократизацией научных процессов вузов и недостатками планового управления высшей школой объясняет многие трудности, которые испытывали вузы региона в этот период. Но в эти годы наблюдается и явный прогресс вузовской науки, особенно заметный в развитии научных отраслей, наиболее востребованных промышленностью региона (металлургия, машиностроение, химическое производство и т. д.). Высокий научный уровень учебных заведений Среднего Урала, продемонстрировавший свои возможности в годы Великой Отечественной войны, позволял успешно решать задачи обновления производства и методов работы и достигать внушительных результатов в области теоретической и фундаментальной науки.

Примечания

1. *История Советского Урала: Учеб. пособие. Свердловск, 1983.*
2. *Культурное строительство на Среднем Урале (1941 – 1977): Сб. документов. Свердловск, 1987.*
3. *Лесной: история закрытого города. Екатеринбург, 1997.*
4. *Селиванова Г. Совершенствование системы исторического образования и научных учреждений на Урале во второй половине 30-х – сер. 50-х гг. //Актуальные проблемы историографии строительства социализма в СССР. Иваново, 1985.*
5. *Толстиков В.С. Тайны «сороковки». Екатеринбург, 1995.*
6. *Уральский государственный университет в биографиях. 2-е изд. Екатеринбург, 2000.*
7. *Уральский государственный университет им А.М. Горького. Свердловск, 1980.*
8. *Уральский рабочий. 1947. 30 января.*
9. *Уральский рабочий. 1951. 19 августа.*
10. *Уральский рабочий. 1952. 10 июля.*
11. *Уральский рабочий. 1952. 2 июля.*
12. *Уральский рабочий. 1953. 29 октября.*
13. *ЦДООСО (Центр документации общественных органи-*

- заций Свердловской области). Ф. 1910. Оп. 4. Д. 126.
 14. ЦДООСО. Ф. 1910. Оп. 4. Д. 53.
 15. ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 111.
 16. ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 63.
 17. ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 39.

М.В. Булавин

Уральский государственный университет,
 г. Екатеринбург

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА СРЕДНЕГО УРАЛА В ПЕРИОД 1945–1957 ГГ.

Секуляризация в тех или иных ее формах является необходимой частью модернизации общества. В нашей стране периодом ее особенно быстрого осуществления стала советская эпоха. При этом качественный сдвиг в ходе модернизационных процессов пришелся на 1920–1930-е гг. – время грандиозного перелома в образе жизни многомиллионных масс и особой активности государства в деле разрушения народной религиозности. С началом Великой Отечественной войны антирелигиозная пропаганда и преследования церкви в СССР практически прекратились.

В этой связи крайне важным представляется исследование эволюции массовой религиозности в первый послевоенный период, до начала так называемых «хрущевских гонений» на православие, когда церковь, по общему мнению, пользовалась невиданной для атеистического государства свободой деятельности. Это дает нам возможность, в том числе и через сопоставление с другими периодами церковной истории, создать более полное представление о системе факторов, которые воздействовали на ход секуляризации в разное время.

Особый интерес вызывает изучение религиозности крестьянства, бывшего носителем традиционного мировоззрения в его наиболее чистом виде и, в связи с этим, одной из важных опор церкви в советском обществе. В своем анализе крестьянской религиозности мы опирались в основном на данные уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по Молотовской и Свердловской области. Эти материалы являются наиболее ценным источником сведений о состоянии религиозной обстановке на Среднем Урале в рассматриваемый период.

При знакомстве с ними возникает представление об общем кризисе сельских приходов уральских епархий, в первую очередь связанном с уменьшением количества прихожан. Падение посещаемости сельских храмов, в основном за счет молодежи, было зафиксировано еще в довоенное время (12, 79). Однако после войны оно проявилось в такой степени, что стало источником серьезных проблем для церкви. Малоимущие сельские храмы посещались по обычным воскресным дням 5–30 прихожанами, и только в крупные праздники число посетителей поднималось до 100–300 человек (4, 37). В их числе преобладали лица пожилых и старых возрастов, обычно малограмотные, физически немощные. В свою очередь, это создавало трудности в комплектовании церковных хоров, наборе церковнослужителей. Священник Царевский из дер. Симонята (Молотовская область) так описал эту беду своего прихода: «Ходят одни старухи, никто из них ничего прочесть не может, некого на клирос поставить, никто из них ни в зуб ногой» (7, 15).

Малое количество посетителей, помимо всего прочего, больно било по финансам сельских церквей. Многие сельские батюшки жаловались на изнурявшую их

морально и физически крайнюю бедность. По словам одного из них, священники подчас вынуждены были довольствоваться «пищей святого Антония», то есть жить впроголодь (4, 118). Епископ Товия, управлявший Свердловской и Челябинской епархиями, считал, что уже к началу 1950-х гг. значительная часть сельских приходов «дошла до ручки» (14, 134).

В значительной мере общий кризис сельских приходов объясним развитием секуляризации массового сознания, однако в его разрастании существенной была роль и демографического фактора. Послевоенное время стало в СССР периодом стремительной урбанизации общества. Например, если в 1939 г. сельское население Свердловской области составляло 40 % от общего числа жителей, то к 1959 г. его доля уменьшилась до 24 % (10, 5). Деревню покидали не только молодежь и люди среднего возраста – вместе с ними в города переезжали и пожилые члены их семей. Разумеется, это обстоятельство существенно осложняло с точки зрения властей религиозную обстановку в городах: наблюдался некоторый рост числа церковных треб, замедлилось, а в ряде мест и полностью прекратилось падение посещаемости храмов. Но это обстоятельство никак не улучшало бедственного положения большинства сельских приходов.

Тем не менее, ошибкой было бы описывать религиозную ситуацию в уральской деревне только в логике отступления церкви, сдачи ею своих позиций. Особенности времени как раз и состоят в сложном взаимопереплетении разнородных противоречивых процессов, причудливом напластовании черт архаики и модерна. Быстрота преобразований всех сторон жизни общества породила ситуацию сосуществования старого и нового даже в сознании отдельных людей. Применительно к крестьянам Среднего Урала данная особенность отмечалась еще в довоенное время: «здесь уживаются крайняя религиозная насыщенность, ревнивая забота о себе, как бы убежать от соблазна и греха, от осквернения дьявола – и огромный интерес к общественно-политической жизни и знанию» (13, 77).

Кроме того, традиционное крестьянское мировоззрение в принципе достаточно медленно поддается новым веяниям. Этим объясняется не только все еще заметное место, которое религия занимала в повседневной жизни деревни Среднего Урала, но и наличие в структуре сельской религиозности ряда архаических, едва ли не средневековых черт.

Весьма показательными в этом плане являются описания ежегодных праздников близ с. Кольцово в Молотовской области, где, согласно местному преданию, еще в XIX в. была явлена чудотворная икона св. Николая Угодника. На праздновании в 1955 г. монахини, жившие при местной церкви, раздавали верующим куски плитняка, на поверхности которого можно было при большом усилии воображения различить «лики святых» и восклицали при этом: «Богоматерь с младенцем! Вот истинный лик Николая Чудотворца!» (8, 34).

Достаточно распространены были молебны о хорошей погоде и урожае. В отдельных случаях они служились совершенно официально, с приглашением священника колхозным начальством, при большом стечении народа (2, 57). Известно, что обряды, связанные с сельским хозяйством, исчезают одними из первых в ходе разветвления процессов секуляризации (11, 7). Присутствие такой обрядности в повседневной жизни уральских крестьян свидетельствует не только о тяжести, недостаточной технической оснащенности их труда, но и глубокой традиционности определенных пластов их мировоззрения.

Наконец, следует отметить и такое наглядное свидетельство значимости для крестьян традиционных норм